

— Поглядите на этого оборванца. Одно его присутствие в павильоне Иньфэн наполнило всё вокруг запахом кислятины, — надменно произнёс знатный юноша, заметив, что бедняк наконец обратил на него внимание. При этом он демонстративно зажал нос и рот рукой.

— И то верно, и то верно, — поддакнули его приятели.

— Куда смотрел слуга у входа? Как он мог пропустить сюда этого нищего? — не унимались сидящие рядом господа.

Ситуация была не в пользу Сун Цзыюй. Времена нынче стояли беспокойные, а те, кто перед ней, явно имели власть и влияние. Понимая, что с ними лучше не связываться, Сун Цзыюй опустила голову и, не вступая в спор, с виноватым видом отвесила поклон. Краем глаза она заметила, как окружающие смотрят на неё, словно на дикаря из глуши. В душе она лишь усмехнулась: во все времена встречают по одежке.

— Тьфу, какая гадость, — сплюнул знатный юноша.

Увидев, что презренный простолюдин извинился, он счёл, что отвёл душу, и решил не опускаться до дальнейших разборок с нищим — в конце концов, это было бы ниже его достоинства. Сун Цзыюй наконец смогла перевести дух. Увидев, что поэтический вечер вот-вот начнётся, она попыталась найти свободное место, но все лучшие столики были уже заняты. Вздохнув, она присела в самом дальнем углу.

Сидевший за тем же столиком человек в белых одеждах, видя, что на его прежде пустующее место кто-то сел, с любопытством взглянул на неё.

— Вы...

— Сун Цзыюй.

Услышав вопрос, Сун Цзыюй не стала скрывать своего происхождения и прямо назвала имя. В конце концов, подумала она, скоро все здесь будут его знать.

— Стало быть, вы тоже претендент на сдачу экзамена?

— Именно так. А как я могу величать вас, сударь?

Сун Цзыюй заметила, что в отличие от остальных, в глазах этого человека не было ни капли презрения. Она почувствовала к нему невольную симпатию: выходит, не все здесь смотрят на людей свысока.

— Я Лу Фэн, такой же претендент, как и вы.

Лу Фэн не стал увильгивать и прямо ответил на вопрос.

— Лу Фэн? — Сун Цзыюй невольно повторила это имя. Оно показалось ей подозрительно знакомым.

Внезапно её глаза расширились от изумления. Она никак не ожидала, что Лу Фэн, который в оригинальной книге прославится как второй на экзаменах и станет всеобщим любимцем, сейчас окажется таким безвестным юношей.

— Сун, что с вами? — Лу Фэн, заметив её ошарашенный взгляд, невольно коснулся своего лица, подумав, не испачкался ли он перед выходом, и с явным смущением задал вопрос.

Сун Цзыюй быстро взяла себя в руки. Услышав вопрос Лу Фэна, она озарила его светлой улыбкой:

— Я слышал, что господин Лу обладает выдающимся талантом и изысканными манерами. Увидев вас сегодня, я убедился, что слухи не лгали.

В конце концов, лесть всегда приятна, будь то древность или современность. Лицо Лу Фэна слегка порозовело, он отвел взгляд, явно смутившись:

— Это лишь пустые слухи. Вы слишком добры, господин Сун.

— Господин Лу, вы излишне скромны.

После этого разговора между ними установилась вполне дружеская атмосфера. В этот момент на середину сцены вышел ведущий поэтического вечера — господин Линь, лучший выпускник прошлых лет.

— Прошу внимания! — объявил он.

Похоже, торжество начиналось.

— Сегодня у нас присутствуют великие ученые, господа Чжан и Фан, а также трое высокопоставленных лиц: Наставник Ли, Чжан Шаофу и Се Шаобао.

По залу пронёсся гул удивления. Сун Цзыюй, услышав эти имена, вспомнила, что в оригинальном сюжете она, будучи бедной, никогда не посещала подобных мероприятий и даже не знала, что на этот раз среди гостей будут эти трое влиятельных вельмож. А ведь именно они и были главными экзаменаторами на нынешних испытаниях. Теперь стало понятно, почему в книге Се Миньюй занял первое место — скорее всего, всё решилось именно на этом вечере.

Она подняла взгляд на второй этаж, где располагались отдельные кабинеты. Хотя господин Линь не упомянул о присутствии Великой принцессы, Сун Цзыюй, зная содержание книги, прекрасно понимала, что та здесь. И не только она — весь второй этаж был занят столичной знатью.

Пока она размышляла, вечер официально открылся.

— Состязание начинается. Тема не задана, пусть каждый проявит свой талант, — провозгласил господин Линь, оглядывая собравшихся. — Кто хочет выступить первым?

— Я! — Се Миньюй резко вскочил и направился к сцене.

Сун Цзыюй с любопытством посмотрела на него. И это тот, кто женится на прекраснейшей из принцесс? Он даже в подмётки не годится тому изящному юноше или нынешнему Лу Фэну.

Се Миньюй уверенно задекламировал:

Весенний ветер ласкает иву, навевая мысли о любви,

В закатном дожде стучусь в окно, вспоминая былое.

Река времени течёт, но чувства не стареют,

Искренне будем вместе, неразлучны навек.

Когда он закончил, зал разразился аплодисментами. Сун Цзыюй застыла в изумлении. Любовное стихотворение на таком мероприятии? Разве это уместно? Постойте, так было написано в оригинале? Это же полный абсурд! Черт возьми, если такие стихи занимают первое место, то эта книга — просто низкопробное чтиво.

— Господин Сун, что с вами? — Лу Фэн, заметив приоткрытый рот собеседника, решил, что тот поражён талантом поэта.

— Да это же полная чушь! — прошептала Сун Цзыюй, прикрываясь рукой, чтобы никто не услышал.

Лу Фэн кивнул:

— Думаю, сами стихи неплохи, но они совершенно не соответствуют случаю.

Случаю? Сун Цзыюй вдруг осенило. Се Миньюй пришёл сюда не соревноваться в поэзии, а признаться в любви Великой принцессе. У неё внутри всё перевернулось от отвращения. Какая наглость — жаба возомнила, что может съесть лебедя!

Прошло ещё десять человек, и каждый последующий был хуже предыдущего. Неудивительно, что Се Минъюй мог рассчитывать на победу.

— Есть ещё желающие показать своё мастерство?

— Господин Лу, вы не пойдёте? — спросила Сун Цзыюй.

Лу Фэн покачал головой и застенчиво ответил:

— У меня не хватает духу.

— Тогда я покажу пример, а вы следом за мной, — решительно сказала Сун Цзыюй и твёрдым шагом направилась к сцене.

— Это что, тот самый нищий книжник?

— Он тоже решил выступить?

— Разве он не позорит себя?

Зал наполнился насмешками. Однако Великая принцесса, наблюдавшая за происходящим из кабинета на втором этаже, напротив, заинтересовалась:

— Сегодня довольно забавно. Надо же, даже выходцы из бедных семей пожаловали на наш вечер.

Сун Цзыюй не обращала внимания на издевательства. Она вежливо поклонилась господину Линю:

— Господин Линь, я, Сун Цзыюй, хотел бы попробовать свои силы.

Господин Линь внимательно оглядел бедняка. Неужели в этом году среди простолюдинов появится выдающийся талант? Он бросил взгляд на кабинет Наставника Ли. Тот сам когда-то вышел из низов, и император явно намеревался опираться на таких людей, поэтому и назначил Наставника Ли главным экзаменатором.

В этот момент поднялся тот самый знатный юноша, который ранее задирали Сун Цзыюй:

— Посмотрите-ка, это не тот ли нищий, что преградил мне путь? — он наконец узнал её. — Что ты тут забыл? Не позорься! — насмешливо бросил он.

Окружающие поддержали его, неодобрительно гудя:

— Проваливай отсюда!

Насмешки сыпались со всех сторон, но Сун Цзыюй это ничуть не удивило. Она спокойно вышла на середину сцены:

— Раз уж господин Се так горит желанием продемонстрировать свой талант, не будет ли любезен сначала выступить он?

— Это... — Се замялся. Он мастерски умел лишь пить и развлекаться, но никак не слагать стихи. Он застыл на месте, не зная, что ответить. Его приятели сразу притихли.

Господин Линь, желая сгладить неловкость, вмешался:

— Прошу, господин Сун, начинайте.

Се, услышав это, тихонько опустился на место и больше не смел издать ни звука.

Сун Цзыюй выпрямилась, её взгляд стал острым и решительным:

Стремлюсь я к вершинам, слагая стихи,

Сердцем охватив просторы гор и рек.

Великие замыслы зреют в моей душе,

И гордый дух мой будет сиять тысячи лет.

Как только стих затих, гул насмешек мгновенно прекратился. В зале воцарилась гробовая тишина. Трое высокопоставленных лиц и двое великих учёных в кабинетах на втором этаже распахнули окна и устремили взгляды на сцену.

Сун Цзыюй, видя такую реакцию, недоумевала. Что это значит? Неужели такой стиль здесь не в моде? Разве это не достойные стихи, выражающие высокие амбиции? Неужели здесь ценятся только любовные вирши?

На лбу у Сун Цзыюй выступил пот. Глухое молчание зала заставило её мучительно гадать: хорошо это или плохо?